

Таинство любви

Беседа о христианском браке

Я решил эту беседу посвятить вопросу о семье и браке. Мне кажется, что в мире, законом которого сейчас является разъединенность, противоположение, напряженное отношение между отдельными людьми, общественными группами и народами, эта тема чрезвычайно важна.

Брак — чудо на земле. В мире, где все и всё идет вразброд, брак — место, где два человека, благодаря тому, что они друг друга полюбили, становятся едиными, место, где рознь кончается, где начинается осуществление единой жизни. И в этом самое большое чудо человеческих отношений: двое вдруг делаются одной личностью, два лица вдруг, потому что они полюбили и приняли друг друга до конца, совершенно, оказываются чем-то большим, чем двоица, чем просто два человека, — оказываются единством.

Над этим каждому надо задумываться, потому что жить врозь мучительно, тяжело, а вместе с тем — легко и привычно. Умственные интересы, вкусы расходятся, и потому очень легко сказать себе: я хочу жить тем, что меня интересует. Кто живет для прибыли, кто живет для культуры, кто ищет идеал, но я — самодовлеющая единица, мне хватает меня самого... А на самом деле от этого получается распыление общества, распыление человечества. В конечном итоге не остается ничего от того дивного, чудного единства, которое могло бы существовать между людьми. И брак, как я уже сказал, является чудом восстановления единства там, где оно не может быть восстановлено человеческими силами.

Но для этого надо понять, что такое любовь и как мы друг с другом можем связываться любовью, потому что любовь бывает разная. Мы это слово употребляем в очень различных обстоятельствах. Мы говорим, что любим Бога, что любим родителей, что любим жену, мужа, детей; но мы также говорим, что *любим* самые незначительные вещи. Мы это святое, изумительное слово принижаем, говоря: я люблю мороженое, я люблю прогулки, я люблю футбол, я люблю театр... И этим мы снижаем качество самого слова и сами оказываемся пленниками этой запутанности.

Любовь — удивительное чувство, но оно не только чувство, оно — *состояние* всего существа. Любовь начинается в тот момент, когда я вижу перед собой человека и прозреваю его глубины, когда вдруг я вижу его сущность. Конечно, когда я говорю: “Я вижу”, я не хочу сказать “постигаю умом” или “вижу глазами”, но — “*постигаю всем своим существом*”. Если можно дать сравнение, то так же я постигаю красоту, например, красоту музыки, красоту природы, красоту произведения искусства, когда стою перед ним в изумлении, в безмолвии, только воспринимая то, что передо мной находится, не будучи в состоянии выразить это никаким словом, кроме как восклицанием: “Боже мой! До чего это прекрасно!..” Тайна любви к человеку начинается в тот момент, когда мы на него смотрим без желания им обладать, без желания над ним властвовать, без желания каким бы то ни было образом воспользоваться его дарами или его личностью, — только глядим и изумляемся той красоте, что нам открылась.

Когда я нахожусь лицом к лицу с человеком, которого вижу глазами любви, не глазами безразличия или ненависти, а именно любви, то я приобщаюсь этому человеку, у нас начинается нечто общее, общая жизнь. Восприятие человека происходит на глубине, которая за пределами слов, за пределами эмоций. Верующий сказал бы: когда я вижу человека в этом свете, в свете чистой любви, то я вижу в нем *образ Божий*, икону. Знаете, каждый из нас представляет собой икону, образ Божий, но мы не умеем этого помнить и не умеем соответственно относиться друг к другу. Если бы

только мы могли вспомнить, что перед нами икона, святыня!.. Это совсем не значит, что такая икона во всех отношениях прекрасна. Мы все знаем, что порой случается с картиной великого мастера, или с иконой, или с любым произведением искусства, с любой формой красоты: любая красота может быть изуродована — небрежность, обстоятельства, злоба могут изуродовать самый прекрасный предмет. Но когда перед нами произведение великого мастера, картина, которая была отчасти изуродована, осквернена, мы можем в ней увидеть либо испорченность, либо сохранившуюся красоту. Если мы смотрим на эту картину, на любое произведение искусства глазами изумленной любви, то видим прекрасное, а об остальном можем горевать, плакать. И мы можем решить, порой, всю жизнь отдать на то, чтобы все поврежденное в этом образе, в этой картине, в этом произведении искусства — восстановить. Это дело любви: посмотреть на человека и одновременно и увидеть в нем его неотъемлемую красоту — и ужаснуться тому, что жизнь сделала из него, совершила над ним. Любовь — это именно и есть крайнее, предельное страдание, боль о том, что человек несовершенен, и одновременно ликование о том, что он так изумительно, неповторимо прекрасен. Вот если так посмотреть на человека хоть один раз, можно его полюбить, несмотря ни на что, вопреки всему, что бросается в глаза другим людям.

Как часто бывает, что любящему другого кто-нибудь скажет: “Что ты в нем нашел? Что ты в ней нашел?” — и человек дает совершенно бредовый ответ: “Да разве ты не видишь, до чего она прекрасна, до чего он красив?..” И оказывается: да, так оно и есть, этот человек прекрасен, потому что любящий видит красоту, а нелюбящий, или безразличный, или ненавидящий видит только раненность. Вот об этом очень важно не забывать. Чрезвычайно важно помнить, что любовь реалистична до конца, что она объемлет человека всецело и что она видит, она зряча, но вместо того, чтобы осуждать, вместо того, чтобы отрезаться от человека, она плачет над изуродованностью и готова жизнь положить на то, чтобы все болезненное, испорченное было исправлено и исцелено. Это — то, что называется целомудренным отношением к человеку, это — настоящее начало любви, первое серьезное видение.

Я уже говорил о любви как о созерцательном состоянии, при котором человек, глядя на другого, видит в нем, за пределами его внешних черт, невзирая на звуки его голоса, невзирая ни на что, какую-то глубину, которая является для него иконой, которая для него является красотой. Эта красота отчасти повреждена жизнью, прошлым, обстоятельствами, но она *тут*, и единственно она и важна в этом человеке; хотя, конечно, и поврежденное должно быть принято во внимание.

Но если говорить о *созерцании*, то можно ли говорить и о том, чтобы создать какие-то живые человеческие отношения? Созерцать Бога, созерцать икону, созерцать красоту природы, вглядываться в картину, переживать глубоко музыку — это все понятно; но каким же образом такое созерцание может привести к каким-то настоящим, подлинным человеческим отношениям? Мне кажется, ответ в том, что созерцание это открывает и того, и другого, обоих, к состоянию, когда они могут на самой глубине своей слиться в единство, могут за пределами всяких слов друг друга понимать и чувствовать. Мы все это знаем на опыте, но так легко забываем. Кто из нас не сидел с дорогим ему человеком — матерью, женой, мужем, другом — в вечерний час, когда спускались сумерки, когда все затихало вокруг. Вначале идет разговор, потом он замирает, но остается какая-то тишина; мы прислушивались к звукам: к потрескиванию дров в камине, к тиканью часов, к внешним отдаленным шумам; потом и эти звуки исчезают, и наступает глубочайшая тишина, безмолвие души. И вот в этом безмолвии души вдруг чувствуешь, что стал *так* близок своему другу, тому человеку, который рядом находится. Это, конечно, не слияние в том отношении, что один человек делается другим, но оба соединяются на такой глубине взаимного переживания, где слов больше не нужно: они *вместе*, и если любовь достаточно глубока, они стали одним целым.

И это относится к браку во всех отношениях, не только к чувству, не только к общению в мысли, но и к телесному общению. Только надо помнить, надо твердо знать, что телесное единство двух любящих друг друга людей — не начало, а полнота и предел их взаимных отношений, что лишь тогда, когда два человека стали едины сердцем, умом, духом, их единство может вырасти,

раскрыться в телесном соединении, которое становится тогда уже не жадным обладанием одного другим, не пассивной отдачей одного другому, а *тайнством*, самым настоящим тайнством, то есть таким действием, которое прямо исходит от Бога и приводит к Нему. Один из отцов Церкви в древности сказал, что мир не может существовать без тайнств, то есть без того, чтобы какие-то состояния, какие-то взаимоотношения были бы сверхземными, небесными, чудесными; и — продолжает он — брак как единство двоих в разрозненном мире является таким тайнством, чудом, превосходящим *все* естественные взаимные отношения, все естественные состояния. И телесный брак тоже, по учению одного из отцов Церкви, предстает тайнством, подобным Евхаристии [1], причащению верующих. В каком смысле? В том смысле, что в Евхаристии силой Божией, чудом соединяющей любви и веры друг во друга верующий и Христос делаются едиными. И в браке (конечно, на другом уровне и по-иному), благодаря взаимной вере и взаимной любви, два человека перерастают всякую рознь и делаются единым существом, одной личностью в двух лицах. Это является одновременно полнотой брака душевно-духовно-телесного и полнотой целомудрия, когда два человека друг ко другу относятся как к святыне и все свои отношения, включая и телесные, превращают в тайнство, в нечто превосходящее землю и возносящее в вечность.

В Священном Писании брак предстает выражением предельной радости, предельной полноты. Это полнота не успокоенности, а торжества радости и любви. Самый совершенный образ ее нам дан в так называемом *браке Агнца* [2], то есть в соединении, в радости встречи Бога, ставшего человеком, отдавшего всю Свою жизнь, все Свое бытие миру, — с тварью: когда все уже завершено, когда нет уже противоположения, когда Бог и человек объединены общей жизнью. И это не ограничивается человеком, а перерастает его и охватывает всю тварь, так что апостол Павел мог сказать: “*Будет Бог все во всем*” (1 Кор. 15: 28).

С другой стороны, у нас есть образ, употребляемый апостолом и характеризующий Церковь как *Невесту Агнца* (Откр. 21: 9). Кто такая невеста? Невеста, по существу, это девушка, которая нашла в себе такую глубину и такую крепость, что она сумела, смогла полюбить единственной, неповторимой любовью одного человека с готовностью оставить все и быть с ним; последовать за ним, куда бы он ни пошел. А слово *Агнец* напоминает нам о ветхозаветном пасхальном ягненке, который впервые был заклан в ту ночь, когда евреи бежали из Египта [3]: непорочный, невинный агнец, жертва человеческого греха. Позже этот образ был перенесен на Спасителя Христа как на непорочного Страдальца, который принял муки, потому что люди отпали от Бога и перестали быть в полном смысле людьми.

Итак, образ, данный нам в лице *Невесты Агнца* — образ трагической любви; любви, проходящей свой путь в нашем трагическом мире в полном сознании этого трагизма, принимающей этот трагизм не как нежеланную, отвергаемую муку, а как *призвание*, как участие и в судьбе самого мира, и в тайнах Божиих.

Оба эти образа говорят о любви: любви совершенной, любви жертвенной до конца, любви ликующей. В одной древней рукописи Евангелия [4] есть место, где спрашивают Христа: “Когда придет Царство Божие?” И Христос отвечает: “Царство Божие *уже* пришло там, где двое — уже не двое, а одно...”

Можно тогда поставить вопрос: если Царство Божие на самом деле пришло в браке, то каково отношение этого Царства к человеку, выбирающему одинокую жизнь? В Церкви существуют два института, которые кажутся противоположными друг другу: это брак и монашество. Вместе с тем для всякого человека, который принадлежит Церкви, является ее членом, живет ее жизнью, совершенно ясно, что противоречий в ее бытии, ее сущности быть не может. И на самом деле, если продумать вопрос о браке и монашестве в их существе, делается ясно, что брак и монашество — как бы два лика одной и той же Церкви. В браке единство бросается в глаза: двое соединяют свою судьбу так, чтобы весь свой земной путь пройти вместе. В монашестве человек отходит от той

личной человеческой близости, которая составляет радость и полноту брака, как бы в предвкушении того времени, когда Бог победит, когда победит все, что есть лучшего в человеке. Да, монах от этого отказывается, но он не отказывается от любви: во-первых, от любви к Богу, во-вторых, от любви к человеку. Монахом может стать только такой человек, который осознал и воспринял достаточно глубоко трагизм мира; для которого страдание мира настолько значительно, что он готов о себе позабыть совершенно для того, чтобы помнить о мире, находящемся в страдании, в оторванности от Бога, в борении; и для того, чтобы помнить о Самом Боге, распятом по любви к миру. И поэтому уход в монашество далеко не означает бегства из мира. Мне вспоминается послушник Валаамского монастыря, о котором рассказывал мой духовник. Он пятьдесят лет пробыл в монастыре, но так и не согласился на постриг. Он прошел целую жизнь подвига, но считал себя неготовым к монашеству. Мой духовный отец, тогда еще мирянин, искавший свой путь, спросил его: “Что же такое монашество, кто такой монах, что ты не можешь стать им, хотя ведешь монастырскую жизнь?” И тот ответил: “Монах — это человек, который всем сердцем скорбит и плачет над горем мира, и к этому я еще не пришел” [5].

Как видите, и в монашестве, и в браке корень всего — в любви, притом личной, живой, конкретной любви к миру, в котором мы живем, в сознании его трагичности, а вместе с тем (и это сказывается, может быть, более ярко, более зримо в браке) — в радости о том, что в этом трагическом мире есть любовь, есть единство, есть дружба, есть такие человеческие отношения, которые делают его не адом, а возможным раем.

И здесь большую роль и в монашестве, и в браке играет *надежда*, понятая не просто как мечта, но как акт ликующей веры, уверенности. Священное Писание нам говорит, что надежда — это уже предвкушение будущего, как вера — уже уверенность в невидимом. Надежда — не мечта о том, что, может быть, в будущем станет лучше. Исходя из опыта сегодняшнего (несмотря на его мрачность и, порой, ужас), видя, что среди этого дня, полного жути, сияет свет, горит любовь, что свет во тьме действительно светит и тьма никакой силой его не может победить, — мы, благодаря надежде, преисполняемся уверенностью, что в конце концов победит свет. Это — надежда наша, и это — вера наша, и на них может вырасти победа любви как в монашестве, так и в браке.

Верующие, как и неверующие, встревожены в наши дни неустойчивостью браков и горем, которое эта неустойчивость приносит как супругам, так и детям. Многие озабочены раздробленностью семей и безрадостностью семейной жизни, которая царит сейчас повсеместно. Это происходит отчасти потому, что идеал брака, когда-то существовавший, сейчас оказался для людей непонятным. Многие рассматривают брак просто как частный договор. Они ощущают себя отдельными людьми, вне общества, и поэтому имеющими право вести себя как им хочется.

Многие рассматривают брак с чисто общественно-государственной точки зрения. В таком случае семья делается не чем иным, как частичкой, очень малой частичкой общегосударственного аппарата, который налагает на нее большую тяжесть, и эта тяжесть иногда оказывается непосильной. Если всмотреться в причины этого, или в то, как люди сейчас вступают в брак, мне кажется, можно разделить людей на несколько категорий.

Некоторые вступают в брак, вернее, я бы сказал, в сожительство, потому что они нравятся друг другу, потому что между ними существует физическое или психологическое притяжение. Они не ищут в браке осуществления какой-либо цели, не хотят чего-то достигнуть, им кажется, что если они могут удовлетворить один другого телесно или психологически, то все уже достигнуто. Для этого они не ищут ни Божьего благословения, ни того, чтобы включить себя в человеческое общество и внести в него что-то новое.

Другие ищут брака, потому что между ними есть согласованность душевная, телесная, но, вместе с этим, и общность какого-то идеала. Они хотят стоять не лицом к лицу, а плечом к плечу, они не хотят провести жизнь во взаимном созерцании и взаимном удовлетворении, они хотят *вместе*

вступить в жизнь и творить жизнь. В зависимости от того, каковы их убеждения, одни — неверующие — будут строить общество без Бога, но искать в нем всю доступную им глубину по отношению к человеку; другие — верующие — будут искать какого-то иного измерения. Некоторые верят просто в какое-то неопределенное божество, в какую-то высшую силу и будут, с одной стороны, искать благословения этой силы, доброго слова, сказанного от имени этого божества, а, с другой стороны, будут вдумываться: как можно создать брак, который был бы больше человека, был бы настолько велик, чтобы стать всечеловеческим.

Те, кто верит в определенного Бога (сейчас я буду говорить с точки зрения христианина), будут искать осуществления брака по таким образцам, которые нам даны в христианской Церкви: брак как единство, брак как *образ вечной жизни*. О браке как единстве я уже упоминал. И, кроме того, есть вечное измерение в браке, которое, может быть, лучше всего выразил французский писатель Габриель Марсель [6]. Он пишет: “Сказать человеку: “*Я тебя люблю*” — то же самое, что сказать ему: “Ты будешь жить вечно, *ты никогда не умрешь...*”

В таком отношении брак для христианина не является чем-то статическим, а богослужение, обряд венчания — общественной формой. Брак — это динамическое явление, строительство, вся его сила — в движении, целеустремленности и в его всечеловеческом значении. А обряд его совершения в обществе христиан — не религиозная форма “регистрации”, а глубокий, поучительный способ, которым Церковь хочет нам открыть, что такое любовь и как глубоки человеческие отношения. В этом смысле всякое христианское богослужение, с одной стороны, является лирическим, личным выражением человеческих чувств, но, с другой стороны, имеет и символическое значение.

Что такое символ? Это не образ, не притча, не картина, не иллюстрация. Разница между символом и определением вот в чем: определение старается как бы положить *пределы* тому, о чем оно говорит. Оно старается все уловить и выразить, насколько это вообще выразимо. Символ, наоборот, всегда указывает вне себя. Проще всего было бы так пояснить смысл символа: если мы человеку показываем отображение неба в воде, его первое движение будет не в том, чтобы взглянуть в это озеро, а в том, чтобы, отвернувшись от него, посмотреть ввысь. Это принцип символа: показывается что-то земное для того, чтобы указать на что-то небесное; показывается нечто, что можно уловить чувствами, для того, чтобы указать на то, что можно познать только в самых глубинах человека и самым глубоким восприятием. Служба, обряд, который мы совершаем в Церкви, в этом отношении очень многое говорит о том, каковы человеческие, глубинные отношения любви и взаимности; и над ними, мне кажется, надо задуматься и верующим и неверующим. Верующим — потому что всем нам надо на основании приобретенного опыта заново передумать то, что, как нам кажется, мы знаем уже давно. А если в этом обряде есть что-то ценное (он не устоял бы в человеческом обществе, если бы в нем не было глубины и значительности), может быть, верующие и неверующие откроют что-то не только о Боге, но и о человеке, о тех отношениях, которые составляют самую сердцевину человеческой жизни: о любви, о браке, о семье.

Как я уже сказал, одна из целей этих бесед — не только прояснить для верующих глубину и значительность обрядов, но сделать эти обряды понятными и для неверующего. И не просто ради того, чтобы верующий стал более приемлемым и более понятным для людей нерелигиозных, а потому, что обряды Церкви, уходящие своими корнями в опыт и веру тысячелетий, образно, картинно, символами часто раскрывают перед нами такие глубины *человеческого* опыта любви, радости, горя, которые могут не только быть полезны верующему, но и неверующему раскроют какую-то глубину его собственной души и его собственной жизни.

Мы все думаем, будто знаем, что такое любовь, и умеем любить. На самом деле очень часто мы умеем только *лакомиться* человеческими отношениями. Мы думаем, что любим человека, потому

что у нас к нему ласковое чувство, потому что нам с ним хорошо; но любовь — нечто гораздо большее, более требовательное и, порой, трагичное.

В любви есть три стороны. Во-первых, человек любящий дает, *хочет давать*. Но для того, чтобы давать, для того, чтобы давать совершенно, давать, не делая получающему больно, нужно *уметь* давать. Как часто бывает, что мы даем не по любви, настоящей, самоотверженной, щедрой любви, а потому, что, когда мы даем, в нас нарастает чувство своей значительности, своего величия. Нам кажется, что давать — это один из способов утвердить себя, показать себе самому и другим свою значительность. Но получать от человека на этих условиях — очень больно. Любовь только тогда может давать, когда она забывает о себе; когда человек дает, как один из немецких писателей сказал, как птица поет, от избытка своего: не потому, что требуется, вынуждается у него дар, а потому, что давать — это песнь души, это радость, в которой можно себя забыть для радости другого человека. Такая любовь, которая умеет давать, гораздо более редка, чем мы воображаем.

С другой стороны, в любви надо уметь получать; но получать, порой, гораздо труднее, чем давать. Мы все знаем, как мучительно бывает получить что-нибудь, испытать благодеяние от человека, которого мы или не любим, или не уважаем; это унижительно, оскорбительно. Мы это видим в детях: когда кто-нибудь ими не любимый, кто-нибудь, в чью любовь они не верят, дает им подарок, им хочется *растоптать* подарок, потому что он оскорбляет самую глубину их души. И вот для того, чтобы уметь давать и уметь получать, нужно, чтобы любовь дающего была самозабвенной, а получающий любил дающего и верил безусловно в его любовь. Западный подвижник Венсан де Поль [7], посылая одну из своих монахинь помогать бедным, сказал: “Помни — тебе нужна будет вся любовь, на которую способно твое сердце, для того, чтобы люди могли тебе *простить твои благодеяния*...” Если бы мы чаще это помнили, мы меньше удивлялись бы, что окружающие без радости, иногда со сжимающимся сердцем обращаются к нам за помощью и ее от нас получают.

Но даже там, где и давать, и получать — праздник, радость, есть еще одна сторона любви, которую мы забываем. Это — *жертвенность*. Не в том смысле, в котором мы обычно о ней думаем; например, что человек, который любит другого, готов на него работать, лишать себя чего-нибудь, чтобы тот получил нужное; что родители могут себя лишать необходимого ради того, чтобы дети были сыты и одеты и иногда получали радость от подарка. Нет, та жертвенность, о которой я говорю, более строга, она относится к чему-то более внутреннему. Она заключается в том, что человек готов по любви к другому отойти в сторону. И это очень важно. Ведь порой бывает так между мужем и женой: они друг друга любят сильно, крепко, ласково, радостно. И один из них ревнует мужа или жену — не по отношению к кому-нибудь, который вот тут, теперь может поставить под вопрос их любовь, а по отношению к прошлому. Например, отстраняются друзья или подруги детства; отталкиваются куда-то в глубь воспоминаний переживания прошлого. Тому, кто так безумно, неумно любит, хотелось бы, чтобы жизнь началась только с момента их встречи. А все то, что предшествует этому, все богатство жизни, души, отношений кажется ему опасностью; это что-то, что живет в душе любимого человека помимо него. Это одна из самых опасных вещей. Потому что человек не может начать жить с какого-то, даже самого светлого дня встречи с любимым, дорогим человеком. Он должен жить с самого начала своей жизни. И любящий должен принять тайну прошлого как тайну и ее уберечь, ее сохранить, должен допустить, что в прошлом были такие отношения любимого человека с родителями, с друзьями, с подругами, такие события жизни, к которым он не будет причастен, иначе как оберегающей, ласковой, почтительной любовью. И здесь начинается область, которую можно назвать областью веры: веры не только в Бога, а взаимной веры одного человека в другого.

Человек начинает любить другого, потому что вдруг, неожиданно для себя самого, видит в нем что-то, чего он раньше никогда не видел. Бывает: молодые люди, девушки принадлежат к какому-то общему кругу, живут бок о бок, работают вместе, принимают участие в общественной жизни. И вдруг тот, кто до сих пор никем не был замечен, делается центром интереса для одного из этого круга; в какой-то момент один человек другого увидел не только глазами, но каким-то проникновением сердца и ума. И этот человек, который был просто одним из многих, вдруг

делается *единственным*. Человек тогда предстает с новой красотой, новой глубиной, новой значительностью. Такое видение может длиться годами, может продолжаться всю жизнь. Но порой, по прошествии какого-то времени, это видение тускнеет (как бывает, когда солнце отойдет от окна и вдруг сияние этого окна тускнеет). И вот в этот момент вступает вера. Вера вот в каком смысле: вера как уверенность, что то, что было когда-то увидено, а теперь стало невидимым — достоверно, несомненно. Такой верой мы все живем, более или менее. Бывают моменты особенных встреч, глубоких, волнующих; потом мы возвращаемся к обычной жизни: но снова оказавшись лицом к лицу с человеком, связанным с этим переживанием, мы знаем, что видимое нами — не весь человек; что в нем есть такая глубина, которую мы теперь больше не можем прозреть. И мы относимся к этому человеку по-новому. Это очень ясно выявлено в целом ряде молитв чина бракосочетания.

Говоря о браке, о взаимоотношениях мужа и жены, я упоминал, что кроме любви, то есть ласкового, пламенного и тихого влечения одного человека к другому, этим взаимоотношениям еще присуща вера. В начале службы обручения [8] мы молимся о том, чтобы Господь послал тем, кто собирается венчаться, не только взаимную любовь — совершенную, мирную, не только Свою помощь, но еще единомыслие и твердую веру. И, конечно, первое, что приходит на ум верующему, это: “Дай нам, Господи, крепкую веру в Тебя, и тогда все будет хорошо...”

Это правда; но есть еще другая сторона в этом. Не может быть истинных, подлинных взаимных отношений, если нет между мужем и женой, между невестой и женихом взаимной веры, то есть, с одной стороны, настоящего *доверия*, с другой стороны, *верности*. Это очень важно, и это раскрывается очень ясно дальше в службе, когда читается молитва, где упоминается блудный сын. Он ушел из отчего дома, прожил блудную, некрасивую жизнь, раскаялся под давлением обстоятельств и вернулся домой. И что же случилось? — Отец его встречает, он к нему бежит навстречу, его обнимает, целует, и когда сын говорит отцу: “*Я согрешил против неба и перед тобой, я недостойн называться твоим сыном...*” — отец ему не дает сказать последних слов, которые были приготовлены кающимся сыном на пути. Он хотел сказать: “*Прими меня хоть как одного из твоих работников...*” — отец не дает ему этого сказать, потому что недостойным сыном он может быть, но не может быть ничем меньшим, чем *сыном*. А дальше отец не спрашивает ни о чем; ему достаточно того, что сын вернулся домой. Он его не спрашивает, кается ли тот, жалеет ли, стыдится ли своего прошлого, не спрашивает его, готов ли он измениться; ему достаточно, что сын вернулся, для того, чтобы *верить* в него до конца [9].

И вот мы просим Господа о такой вере, о таком доверии, просим, чтобы оно сохранилось на всю жизнь между мужем и женой. Чтобы, если будет что-нибудь между ними: ссора, непонимание, даже неверность, и один из них вернется и скажет: “*Я пришла к тебе, я к тебе пришел*”, тот, который остался верен, раскрыл бы объятия и сказал: “*Наконец! Я так тебя ждала, я так тебя ждал...*” И если виновный скажет: “*Можешь ты меня простить?*” — чтобы тот его только обнял, поцеловал и даже не упомянул о прошлом. Тут нужна *вера*, такая вера, которая может родиться только из той любви, о какой я говорил в других беседах: любви зрячей, любви созерцательной, любви проникновенной, которая способна видеть всю красоту человека даже в тот момент, когда эта красота затмилась или когда что-либо в этой красоте померкло. Потому что нет красоты, которая изуродована до конца в человеке: любовь к нему, вера в него может восстановить то, что, казалось, никто и ничто не может восстановить ни наказанием, ни поучением. И это мы видим все время в Евангелии. Мы видим, как Христос встречает грешников: Он их ни в чем не упрекает, Он им не ставит вопросов о их прошлой или настоящей жизни, Он их *любит*, и в ответ на любовь, которая дается даром, которая дается как подарок, человек зажигается благодарностью и ради благодарности становится достойным этой любви. Он может быть любим, но не потому, что он *достойн*: он может научиться быть достойным, *потому что он любим*. Есть пословица: “*Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит*” [10]. Настоящая любовь умеет полюбить человека “черненьким”, и пример этого отношения я дам, разбирая одну из самых коротких начальных молитв службы обручения.

Я уже говорил о том, что человека любят не за что-нибудь, а что, наоборот, он может стать значительным, прекрасным человеком, потому что он любим. Во второй молитве чина обручения говорится о том, что Бог выбрал Церковь, как *чистую деву* из среды язычников. Если мы задумаемся над этим и представим себе: кто эта Церковь? Церковь — мы с вами: и я, и ты, и все наши друзья; как же мы можем сказать, что Бог нас выбрал как *чистую деву*. Мы все грешные, у всех нас недостатки, мы все в значительной мере испорчены, — как же Бог мог на нас посмотреть и выбрать как деву чистую? Дело в том, что Бог на нас смотрит, видит *возможность* красоты, которая в нас есть, видит в нас то, чем мы можем быть, и ради того, *что* Он видит, Он нас принимает. И потому, что мы любимы, потому, что с нами случилось это чудо: что кто-то в нас увидел не дурное, а прекрасное, не злое, а доброе, не уродливое, а чудесное — мы можем *начать расти*, расти из изумления перед этой любовью, расти из изумления перед тем, что этой любовью нам показана наша собственная красота, о которой мы не подозревали. Я говорю, конечно, не о той внешней, поверхностной красоте, которой мы все кичимся: чертами лица, умом, чуткостью, талантом — нет, о другой красоте.

И вот нам надо помнить, что единственный способ возродить человека, единственный способ дать человеку возможность раскрыться в полноте — это его любить; любить не за его добродетели, а несмотря на то, что он несовершенен, любить просто потому, что он человек, и потому, что человек так велик и так прекрасен сам по себе. В это мы можем верить всегда. Мы не всегда можем это видеть, только глаза любви могут нам позволить прозреть это. На человека можно смотреть безразличным взором — и тогда мы ничего не видим, мы замечаем только внешние проявления, черты лица, расцениваем человека так же, как мы расцениваем все прочее: собаку, лошадь или предмет, который мы хотим купить. Нам надо учиться видеть человека таким, какой он есть в самой своей глубине, в самой своей сущности, и соответственно к нему относиться. Так относится к нам Бог. Бог нас любит не потому, что мы хороши, Бог к нам милостив не потому, что мы заслуживаем милость или любовь: Он нас просто любит. Если мы способны быть благодарными за то, что нас кто-то — Бог или человек — может полюбить без всякого основания, просто потому, что его сердце через край переливается к нам, мы можем стать другими людьми. И в браке это так важно; так важна эта вера в человека и эта способность помнить, что только любовью можно из него сделать — нет, не *из него* — *можно ему* помочь стать всем, чем он только может быть, каким его задумал Бог, можно раскрыть всю его красоту.

В древности чин обручения, то есть подготовительная часть службы венчания, совершался в притворе [11], там же, где совершалась служба оглашения перед крещением, потому что это еще не полнота, это подготовительный шаг к тому, чтобы двое соединились в одно, к тому, чтобы вступить в полноту церковную. Жених и невеста приходили и становились в притворе рядом друг со другом; приносились перстни или кольца, которые потом будут им даны; священник выходил со свечами для жениха и невесты; затем кадили их, то есть отдавали им то же самое почитание, какое отдается в богослужении иконе или священнику, который представляет собой образно икону Христа, потому что Церковь видела в них живой образ Божий, и этому образу воздавалась честь и каждение.

Далее священник возглашает: “*Благословен Бог наш...*” Как не благословить Бога за то, что в мире, где все является рознь, напряжением, взаимным отрицанием, часто враждой, непониманием, два человека друг друга полюбили, друг во друге увидели взаимно вечную красоту и решили превзойти, превозмочь все, что может их разделять, решили стать едиными, одной личностью в двух лицах?! Как не благодарить Бога за то, что на земле совершается такое чудо, которое таинственно говорит нам о том, что рознь уже пришла к концу и единство осуществлено?!

Затем Церковь молится: молится о мире, который может быть послан только с небес; молится о спасении жениха и невесты; молится о мире всего мира, о храме, где совершается богослужение, и о всех, которые с верой, благоговением, страхом Божиим, то есть с трепетным сердцем, пришли. Церковь молится о женихе и невесте — о том, чтобы им дана была совершенная любовь, любовь

мирная, и помощь от Бога, потому что жизнь будет все время давить на них, жизнь все время будет стремиться разорвать хрупкое еще, несозревшее единство, которое между ними образовалось; Церковь молится и о том, чтобы им сохранился в единомыслии, чтобы у них было одно желание, одно сердце, одна направленность, и чтобы им была дана твердая вера — вера друг во друга, вера в Бога, вера в возможную победу, в преодоление всех трудностей, которые между ними или вокруг них могут восстать. Слово *вера* означает еще и *верность*: чтобы они остались верными друг другу в настоящей дружбе. Вы знаете, что значит слово дружба. Друг — это твое “второе я”, как говорили в древности, человек, на которого можно посмотреть и увидеть отображенным в нем себя самого, но только чистого, освященного; как бы увидеть в нем свою красоту, отраженную в зеркале любящих глаз, любящего сердца. Молится Церковь о том, чтобы им была дана в результате этого непорочная жизнь, честный брак. И еще мы благодарим Бога, Который в мире, где все раздроблено, привел в единство, в союз неразрушимой любви этих двух людей.

В первой молитве, которую священник произносит, мы вспоминаем Исаака и Ревекку. Почему же их выбрали? Потому, что по рассказу Ветхого Завета (Быт. 24) Авраам послал слугу на свою давно покинутую родину, чтобы разыскать невесту для сына. И Бог ему обещал показать знаком, кого избрать. Поэтому Ревекка была богоизбранной невестой для Исаака. И мы молимся о том, чтобы в данном случае и жених, и невеста были друг для друга богоизбранными, чтобы помимо того, что они друг другу нравятся, что у них одинаковые вкусы, им нравится внешность друг друга, их роднит положение в мире, в обществе — чтобы что-то более глубокое было в основе их встречи. Бог как бы говорит: “Вот твоя невеста, вот твой жених. Я тебе даю этого человека во веки вечные как предмет твоей любви и тебя ему как предмет его любви...”

Дальше в чтении из Священного Писания на службе венчания нам будет сказано, что невеста и жених должны друг на друга смотреть, как Христос смотрит на Церковь и как Церковь смотрит на Христа — всей любовью, всей жизнью, всей устремленностью. Вот почему поминаются здесь Ревекка и Исаак. И каждый из нас, когда выбирает жениха и невесту, должен поставить себе вопрос: “Почему я его выбираю? По каким-то внешним, земным свойствам или потому, что между нами совершилось чудо?..”

Дальше священник дает жениху и невесте перстни, и они обмениваются ими три раза, как бы три раза говоря: “Да, я всерьез это делаю, это не мгновенное движение души, это продуманное действие...” И священник произносит: “*Обручается раб Божий (раба Божия) рабе Божией (рабу Божию) такой-то во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*”. Этим совершается первый шаг их соединения. Теперь они стоят со свечами и с кольцами.

В древности люди часто не умели писать, а только могли удостоверить письмо или документ печатью; и решающую роль играло то кольцо, на котором была личная печать. Документ, запечатленный этим кольцом, был неоспорим. Вот это кольцо и упоминается в службе обручения. Когда человек давал кольцо другому, это означало, что он ему доверяет безоговорочно, что он ему доверяет свою жизнь, свою честь, свое имущество — все. И вот когда венчающиеся обмениваются кольцами (я говорю именно *обмениваются*, потому что каждый из них сначала надевает кольцо и затем три раза его передает своему супругу, раньше чем оставить на своей руке) — когда супруги обмениваются кольцами, они как бы говорят друг другу: “Я тебе доверяю безусловно, я тебе доверяю во всем, я *себя* доверяю тебе...” И, конечно, не может быть такого обмена кольцами между людьми, которые совершают только условный брак или брак без намерения строить *общую жизнь* от начала и до последнего дня.

Перстнем наделил своего блудного сына отец в притче Господней. Юноша ушел из дома, отрекшись от него, и вернулся с покаянием. И отец ни одним словом его не упрекнул. Увидя его, проходящего обратно в отчий дом, он сам поспешил к нему навстречу, он его обнял, он как бы утешал его: “Да, ты ошибся, ты поступил так жестоко, когда ушел от меня, и от своего брата, и от всех, кто тебя любил, но наши сердца остались верными тебе...” И тут же он призывает своих слуг и говорит: “Принесите сандалии, принесите первую одежду, которую он носил”; и, наконец, дает ему перстень.

Тем самым отец говорит сыну: “Раз ты вернулся ко мне, раз ты показал, что хочешь быть снова моим верным сыном, я тебе даже вопроса не ставлю о том, как ты жил, ради чего ты жил, я тебя принимаю со всем доверием, потому что, пройдя через опыт неверности, пройдя через опыт страдания, обманутый своими друзьями, которые хотели тебя знать, только пока ты был богат, ты теперь будешь мне верен до конца, верен нашей любви, нашей дружбе, нашему Богу...”

Так говорит отец; но таково же значение и самого кольца. И когда супруги обмениваются кольцами, они именно обещают друг другу, что если когда-нибудь что-либо случится между ними, если когда-нибудь будет ссора или даже неверность со стороны одного по отношению к другому, измена, обман, неправда, — и если он вновь вернется, то ему ничего не будет поставлено в упрек. Потому что он вернется и скажет: “Вот, я пришел (я пришла); можешь ли ты меня принять, или твое сердце охладело, или любовь ко мне умерла?” и ответ будет: “Конечно, приходи, конечно, я тебя люблю, как любил раньше! Моя любовь когда-то была ликующей радостью; когда ты ушел (ты ушла), моя любовь стала жгучей болью, ожиданием, тоской, — а теперь моя любовь стала вновь ликующей радостью, более светлой, более глубокой, более торжествующей и более уверенной, чем она была до того, как ты ушел (ушла)...” Поэтому, обмениваясь кольцами, супруги дают друг другу обещание и верности, и взаимного доверия — доверия, которое идет гораздо дальше всякой измены и всякой ссоры; и это так прекрасно.

Прежде чем мы последуем дальше, я хочу обратить ваше внимание на два выражения из молитв, произносимых сразу после возгласа: “*Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...*” в начале службы венчания. Это слова: *совершенная любовь и целомудрие*.

О какой любви здесь идет речь? Все мы говорим, что мы друг друга любим, но это слово покрывает столько понятий и так часто выражает какие-то слабые, шаткие чувства, мгновенные настроения. Но вот что говорит апостол Павел о подлинной любви. Указав, что у людей разные призвания и разные дары, он говорит: “*Ревнуйте о дарах бо'льших, и я покажу вам путь еще превосходнейший. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает*” (1 Кор. 12: 31-13: 8).

Разве это не замечательно? Разве не стоит жить ради такой любви и для такой любви? Не только в надежде, что ее когда-либо осуществишь, а в постоянной борьбе за то, чтобы именно такая любовь в каждом из нас восторжествовала. Чтобы любовь рождала терпение, то есть такую ласковую, внимательную теплоту к другому, которая позволяет переносить все то, что он собой представляет, и все то, что может случиться из-за него. Любовь не раздражается: она внимательна к тому, что происходит в жизни, в сердце, в душе другого человека. Любовь всему верит: она открыта доверию, она не подозрительна; она на все надеется: когда все как будто идет к крушению, надежда горит ярким пламенем; любовь способна спасти даже умирающие дружеские или любовные отношения. И любовь никогда не перестает: даже когда другой тебя разлюбит, когда другой от тебя отвернется, любовь остается любовью. Только, как я уже говорил, вместо того, чтобы быть ликующей, торжествующей радостью, эта любовь делается состраданием и острым, порой горьким страданием, криком души: “Боже, спаси его! Он не знает, что он делает!..”

И другое слово я хочу упомянуть; это слово *целомудрие*. Целомудрие мы большей частью мыслим в порядке телесных отношений. Но целомудрие вступает гораздо раньше, чем начнутся какие-нибудь телесные отношения между мужем и женой. Целомудрие заключается в том, чтобы, посмотрев на другого человека, увидеть в нем ту красоту, которую Бог в него вложил, увидеть образ Божий, увидеть такую красоту, которую нельзя замарать, увидеть человека в этой красоте и

служить тому, чтобы эта красота все росла и ничем не была запятнана; целомудрие заключается в том, чтобы с мудростью хранить цельность своей души и души другого человека. И в этом смысле целомудрие лежит в основе брака, не только душевных отношений, но и телесного взаимного отношения, потому что оно исключает грубость, голод, жажду телесного общения и превращает самое телесное общение в благоговейное соединение двух людей, когда соединение тел является как бы завершением той любви, того единства, которое живет и горит в их сердцах и в жизни. Целомудрие не только совместимо с браком, целомудрие является основой брака, когда два человека могут друг на друга смотреть и видеть взаимную красоту как святыню, которая им доверена и которую они должны не только сохранить, но довести до полного совершенства.

В начале службы венчания молятся о том, чтобы Господь дал жениху и невесте мирную жизнь, долгие годы жизни, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира и неувядаемый венец славы вечной; молятся о том, чтобы благодать небесная сошла на них и превратила человеческие отношения в отношения — уже на земле — небесные. Один западный писатель [12] говорит, что разница между верующим и человеком, не знающим Бога, такова, что можно было бы сказать: одни похожи на живых людей, а другие — на статуи, которые могут быть прекрасны, но которым не хватает жизни. Человек верующий — это человек, в которого вошла вечная божественная жизнь. И вот об этой жизни мы и молим Бога, чтобы Он ее дал венчающимся: *“Сам, Владыко, теперь ниспосли руку Твою от святого жилища Твоего, и сочетай (то есть соедини) раба Твоего сего и рабу Твою сию, соедини их в единомудрии, венчай их в плоть едину, даруй им плод чрева (то есть детей), благочадие.*

Теперь мы подходим к самому венчанию. Венчание, так же как и обмен кольцами, не просто обряд. В древности каждый раз, когда бывал праздник — самый обыкновенный семейный, или городской, или государственный праздник — люди надевали венцы из цветов. Сейчас это практикуется и при венчании церковном, например, у греков, которые не носят, как мы, при венчании золоченые короны, а надевают венцы из живых цветов. Но кроме этого венцы имеют два других значения.

В древней Руси в день своего венчания невеста и жених назывались *князь* и *княгиня*; почему? — Потому, что в древнем обществе, пока человек не был женат или замужем, он являлся членом своей семьи и был во всем подвластен старшему в семье: отцу ли, деду ли. Только когда человек женился, он делался хозяином своей жизни. Древнее государство состояло как бы из союза суверенных, то есть независимых друг от друга, семей. Они были свободны выбирать свою судьбу. Все вопросы решались в согласии, во взаимном понимании, но каждая семья имела свой голос и свои права. И вот в день, когда совершается венчание, устанавливается, с точки зрения государственной, в понимании древних, новая единица, суверенная, свободная, полноправная — происходит в полном смысле *венчание на царство*.

Но есть еще и другое значение в этих венцах. Как бы люди друг друга ни любили, они живут в семье, полной проблем, задач, трудностей, иногда опасностей, иногда горя. И вот есть слово в Священном Писании: *“Претерпевший же до конца спасется”* (Мф. 24: 13). Жизнь требует терпения, стойкости; осуществление любви, осуществление единства, осуществление своего свободного царственного стояния в обществе — все это требует мужества, а порой и подвига. Мы молимся о том, чтобы пришло время, когда, выдержав испытание жизни во всей ее сложности, — а сложнее, чем осуществление совершенной любви, ничего нет, — жених и невеста венчались в вечности венцами мученичества. Мы понимаем мученичество как страдание, но слово *мученичество* (перевод греческого “*мартирин*”) в первую очередь означает не страдание, но *свидетельство*. Мученик — это тот, кто свидетельствует перед всем миром о какой-то ценности, в данном случае — о любви, о правде, об истине, о красоте, и кто ни перед чем не останавливается для того, чтобы довести это свидетельство до тех, которым оно нужно. И, конечно, это значит, что истинный свидетель готов и жизнь свою положить для того, чтобы его свидетельство дошло, чтобы оно воссияло, прогремело или тихим образом обдало теплотой, лаской, радостью и надеждой всех

окружающих. И мы призываем всех новобрачных, всякого жениха и всякую невесту верить в любовь, верить друг во друга с такой силой, с такой глубиной, чтобы свидетельствовать, чего бы это ни стоило, о любви, о единстве, о том, что все может победить истинная любовь.

Далее по ходу службы венчания жених и невеста, теперь уже увенчанные, слушают два чтения. Одно взято из Послания святого апостола Павла к Ефесянам, из последней главы. Я его прочту на русском языке, потому что многие, посещающие церковь и присутствовавшие при венчании, слышали его на славянском языке, который, вероятно, им не всегда был понятен.

“...благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуюсь друг другу в страхе Божиим. Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но, как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть (Быт. 2: 24). Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа” (Еф. 5: 20-33).

Это послание, с одной стороны, говорит об очень глубоких отношениях между Церковью и Христом. Христос пришел на землю спасти человечество; Бог стал человеком, и спасение это Он совершает ценою Своей жизни и Своей смерти. И это первое, о чем должны думать мужья, когда они вступают в брак: им вручается Богом хрупкое существо, которому они сказали: *“Я тебя люблю”*, — и эта любовь должна быть такова, что муж готов всем пожертвовать, всей своей жизнью, из-за любви к жене и по любви к своим детям. Муж является главой семьи не потому, что он мужчина, а потому, что он является образом Христа, и жена его и дети могут видеть в нем этот образ, то есть образ любви безграничной, любви преданной, любви самоотверженной, любви, которая готова на все, чтобы спасти, защитить, напитать, утешить, обрадовать, воспитать свою семью. Это каждый человек должен помнить. Слишком легко мужчине думать, что потому только, что он мужчина, он имеет права на свою жену, над своей женой и над своими детьми. Это — неправда. Если он не образ Христа, то никто ему не обязан никаким уважением, никаким страхом, никаким послушанием.

А жена является иконой, образом Церкви. Церковь имеет как бы два лика. Она — невеста, радующаяся о том, что она возлюблена Богом, и возлюблена такой любовью, которая явлена во Христе. Но вместе с тем (и это образ, который дает апостол Павел в одном из своих посланий) она является невестой *Агнца*, то есть закланного Спасителя. Она — невеста, та, которая настолько — так глубоко, так совершенно — возлюбила своего жениха, что по незыблемой верности может все оставить, все забыть, от всего оторваться по любви к нему и последовать за ним, куда бы он ни пошел, если нужно — даже на страдания, если нужно — на крест.

Вы видите, что в этом послании говорится не о владычестве мужа и подчиненности жены, а о такой взаимной любви, которая является жертвенной, героической любовью мужа, и на которую жена может ответить такой же жертвенной любовью. Это мы должны всегда помнить, потому что слишком часто этот отрывок Священного Писания толкуют ложно: унижая жену и возвеличивая мужа, представляя его гордым властителем.

За чтением из Апостола следует чтение из Евангелия от Иоанна, самое начало второй главы. Я его приведу по-русски:

“На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала слугителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только слугители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус нача’ло чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его” (Ин. 2: 1-11).

Я хочу обратить ваше внимание вот на что. Христос пришел на бедную свадьбу. Люди собрались в маленькой деревне, на хуторе каком-то, пришли, изголодавшись по радости — не по выпивке, конечно, а по дружбе, по свету, по теплу, по ласке — и начался бедный деревенский пир. Через самое короткое время, вероятно, то немногое, что было приготовлено, было съедено, и то вино, которое было припасено, было выпито. И тогда Божия Матерь обращает внимание Своего Божественного Сына на то, что вино уже выпито. Что Она этим хотела сказать? Неужели Она говорит Своему Сыну: сделай, мол, что-нибудь, чтобы они еще могли бы пить и пить, и напиться так, чтобы свалиться под скамьи, — неужели этого Она хотела? Нет; Она, конечно, видела, что их сердца так истосковались по радости, по счастью, по тому чувству, которое дает забыть все тяготы мира, все, что давит, гнетет; сердца еще полны желанья пребыть в царстве этой любви жениха и невесты, созерцать небесное видение ласки. И Христос обращается к Ней с вопросом, который смущает многих: *“Что Мне и Тебе, Жено?”* В некоторых переводах и в некоторых толкованиях Отцов: *“Что между Мной и Тобой? Почему именно Ты ко Мне обращаешься с этим вопросом? Неужели потому, что Я — Твой Сын и Ты думаешь, что у Тебя есть надо Мной какая-то власть? В таком случае наши отношения только земные, плотские, в таком случае Мой час, час небесных чудес, еще не пришел...”* Матерь Божия Ему не отвечает в том смысле, что: как же так, разве Я не Твоя Мать? И не отвечает также: *“Разве Я не знаю, что Ты — Сын Божий?”* Она только обращается к окружающим и их делает как бы соучастниками Своей веры; Она говорит слугам: *“Что бы Он вам ни сказал — сделайте...”* Этим Она говорит действием, а не словами Своему Сыну: *“Я знаю, кто Ты, Я знаю, что Ты — Мой Сын по плоти и что Ты — Бог, сошедший в мир для спасения мира, и Я потому к Тебе обращаюсь не как к Сыну, а как к Богу Своему, Творцу, Промыслителю, Тому, Который может любить землю до смерти...”* И тогда совершается чудо, потому что пришло в мир Царство Божие верой одного человека. Какой же это нам урок о том, что и мы можем — каждый из нас — верой как бы открыть дверь приходу Христа и создать ситуацию, которая даст возможность Богу чудодейственно изменить обстановку, полную тоски, неудовлетворенности, и сделать из нее обстановку ликующей, торжествующей радости!

Что дальше? — Все очень просто: да, слуги почерпали вино, да, они принесли его хозяину, распорядителю праздника; но с нами остается одно важное событие: то, что в этот момент вера одного человека сделала земную обстановку небесной. И еще другое: единственная заповедь, которую дала нам Матерь Божия: *“что бы Он вам ни сказал — сделайте...”* Когда радости вашей начнет приходить конец, когда вы уже почувствуете, что вы друг другу дали все, что вы только могли дать, что нового вы ничего не можете сказать, что вы можете только повторять: *“Я тебя люблю”*, выразить это не можете по-новому, тогда прислушайтесь к тому, что Бог говорит в ваших сердцах, прислушайтесь глубоко к тому, что Он вам скажет, — и что бы Он вам ни сказал, то сделайте; и тогда вода обычной жизни — серость жизни, бесцветность ее — вдруг просияет. Мы все видели иногда землю, покрытую росой. К восходу солнца это поле — серое, даже зелень, покрытая этими каплями воды, как бы тускнеет; и вдруг поднялось солнце, и все засверкало, засияло цветами радуги. Так и жизнь, которая потускнела, может превратиться в торжество, стать прекрасной потому только, что мы дали Богу место в ней, она может засиять, как это поле, всеми цветами радуги и красоты.

После чтения Евангелия, как и в литургии [13], начинается короткая ектенья, то есть короткий ряд молитв, в которых мы приносим Богу свои прошения о новобрачных. Это естественно вытекает из чтения Евангелия, потому что всякое чтение из Евангелия говорит о том, что нам заповедана взаимная любовь, а взаимная любовь всегда выражается для верующего в горячей, сердечной молитве о тех, кого он любит; и, с другой стороны, смысл молитвы заключается в том, чтобы сделать жизнь новобрачных достойной и всячески поддержать все благородное, что в них есть. И вот эта ектенья, в частности, заканчивается Молитвой Господней “Отче наш”. “Отче наш” — это молитва Церкви, это единственная молитва, которую нам заповедал Господь, и она тем замечательна, что когда мы говорим “Отче наш”, мы говорим не только о личном нашем Отце Небесном, и даже не об Отце Небесном, Который является Отцом всех нас, здесь собравшихся, но и об Отце Господа нашего Иисуса Христа. Этим мы включаемся в тайну Спасителя; как говорится в одном месте у апостола Павла, “жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге” (Кол. 3: 3); и вот эту молитву мы приносим как бы из глубин Христовой любви, из глубин таинства единства Спасителя Христа с Небесным Отцом. Подробнее говорить об этой молитве я сейчас не могу, но нам надо помнить, что это молитва, которая и Христа, и нас соединяет в одном прошении, в одном крике души, — с тем, чтобы все в нас было достойно христианского призвания.

Брак, как я говорил в самом начале, рассматривается как начало Царства Божия. И эта молитва является молитвой Царства Божия по преимуществу. Дальше она расцветает, — расцветает тем, что жених и невеста пьют из одной чаши. Это воспоминание о том времени, когда бракосочетание совершалось во время литургии, и эта чаша — то, что осталось от древнего обычая жениху и невесте причащаться вместе. С тех пор чин развился. Мы допускаем до венчания не только православных, но и верующих инославных [14], которые не могут вместе с православными причаститься от одной чаши, и поэтому эта чаша символизирует, как бы издали, приобщенность. А с другой стороны, вы, наверное, помните, как в древности говорили о том, что чаша, которая испивается, представляет собой человеческую судьбу. И вот “пить чашу до дна” — это значит разделить судьбу до самого дна, то есть до самой глубины приобщенности. И жених с невестой так именно приобщаются этой чаши, которая перед тем коротко благословляется священником. После чего священник их водит вокруг аналоя [15], на котором лежит Евангелие Христово. Три раза они обходят его вслед за священником. Число три в Ветхом Завете, как и в Новом, означает полноту времени. В постриге [16], как и в начале венчания, три раза ставится вопрос: “Хочешь ли ты?..” Первый раз ты можешь быть взят врасплох, второй раз ты можешь ответить полууверенно, а в третий раз ты должен поступить с совершенной уверенностью. Так и тут — жених и невеста три раза ведутся вокруг аналоя, на котором лежит Евангелие; а Евангелие — это, с одной стороны, слово Божие, то, что проповедано нам Христом, а с другой стороны, оно как бы икона, потому что Христос называется Божиим Словом: Он должен быть в центре того шествия, которое представляет собой человеческая жизнь.

Мы подходим сейчас к концу службы венчания. Под руководством священника, несущего крест и обещающего победу, жених и невеста обошли аналой, на котором лежит святое Евангелие, образуя этим троекратным обхождением весь жизненный путь, в центре которого будет Бог и Его учение. Когда они стали на свои места, с них с краткой молитвой снимаются венцы. Жениху предписывается ходить в мире и совершать в правде заповеди Божии, невесте — радоваться о своем муже и жить достойно заповедям Господним. И затем читаются две короткие молитвы:

“Боже, Боже наш, пришедый в Кану Галилейскую, и тамошний брак благословивый, благослови и рабы Твоя сия, Твоим промыслом ко общению брака сочетавшыяся; благослови их входы и исходы; умножи во благих живот их, восприими венцы их в царствии Твоем, нескверны, и непорочны, и ненаветны [17] соблюдаяй, во веки веков.”

И вторая:

“Отец, Сын, и Святый Дух, Всесвятая, и Единосущная, и Живоначальная Троица, Едино Божество и Царство, да благословит вас, и да подаст вам долгожитие, благочадие, преспеяние

[18] *жизноты и веры, и да исполнит вас всех существ на земли благих, да сподобит вас и обещанных благ восприятия, молитвами Святыя Богородицы, и всех святых, аминь”.*

Здесь снова нам раскрывается Святая Троица как Учредитель, Охранитель и как Образ совершенной взаимной любви, Троица Единосущная, Которая по любви и по природе Едина, Которая дает жизнь, Которая благословляет нас... И затем мы просим о таких простых вещах, как долгая жизнь, добрые дети, преуспевание в жизни, умножение веры и всех существ на земле благ.

Уже раньше в одной молитве мы просили о том, чтобы Господь дал венчающимся все, что земля может дать самого лучшего, с тем, чтобы они в первую очередь уделяли другим, с тем, чтобы получив от Бога, по Божией любви, по милосердию все, что земля может дать, — и они по милосердию, по любви, с лаской давали тем, кто пребывает в какой бы то ни было нужде, — и душевной, и телесной. Мы молились и о том, чтобы Господь благословил этот брак по молитвам родителей, потому что, как сказано, благословение родителей утверждает дома детей (Сир. 3: 9). Как это все прекрасно! Мы видим, что в тайне Святой Троицы соединяются и небо, и земля, что все самое прекрасное, о чем можно только мечтать, делается реальностью или, по крайней мере, возможностью, если только мы смело, порой героически, будем совершать свой земной путь.

В самом конце чина венчания мы приносим молитву Божией Матери, Деве Богородице, Которая так возлюбила мир, что Она Своего Сына свободно отпустила на жизнь ради человечества и на смерть крестную, мучительную ради спасения человечества. Она все может понять, Она в Своей чистоте и святости может понять и безбрачного, и женатого; Она в Своей чистоте может понять всю тайну человеческой природы с ее борением и, вместе, с неизмеримой красотой человеческой души и с неизмеримым достоинством человеческого тела. И поэтому мы заканчиваем службу молитвой Божией Матери:

“Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова Рождшую, сущую Богородицу Тя величаем”.

И за этим священник произносит следующее благословение:

*“Иже в Кане Галилейстей пришествием Своим честен брак показавый, Христос истинный Бог наш **[19]**, молитвами Пречистыя Своея Матере, святых славных и всехвальных апостол, святых боговенчаных царей, равноапостолов Константина и Елены; святого великомученика Прокопия **[20]**, и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец.”*

И затем поется многолетие: *Многая, многая лета* жизни — подвижнической, чистой, достойной и Бога, и той взаимной любви, которая привела к браку жениха и невесту. На этом заканчивается служба венчания.

[1] Евхаристия — таинство причащения, в котором верующие соединяются Христу, причащаясь под видом хлеба и вина Его Телу и Крови.

[2] Образ взят из книги Откровения Иоанна Богослова (Откр. 19, 7), где означает окончательное единение верующих со Христом в Царстве Небесном.

[3] См. Исх., гл. 12. О значении жертвы см. *Митрополит Антоний*. Беседы о вере и Церкви. — М., 1991 (О Божественной литургии).

[4] Евангелие и другие новозаветные писания сохранились в виде рукописей разного объема и целостности. Содержание некоторых фрагментов таких рукописей не было включено в окончательно признанный Церковью полный, так называемый *канонический*, текст Священного Писания.

[5] См.: *Митрополит Антоний Сурожский*. Проповеди и беседы. — М.: “Либрис”, 1991 .с. 63.

[6] Марсель, Габриэль (1889-1973) -- франц. католический философ, драматург и критик.

[7] Венсан (Винсент) де Поль (1581-1660) — французский священник, проповедовал и служил среди бедноты; основатель конгрегаций (объединений) Сестер милосердия, Священников-миссионеров и др. благотворительных учреждений.

[8] Обручение, венчание — отдельные части церковного чина бракосочетания; объяснение их дается далее по тексту.

[9] См. Лк. 15, 11-32.

[10] См. *Н. В. Гоголь* “Мертвые души”, т. II, гл. 2.

[11] Притвор — часть храма при входе; в древности там совершались некоторые части богослужения; там же стояли *оглашенные*, т.е. люди, еще только готовящиеся к таинству крещения.

[12] *К. С. Льюис* (1898-1963). Образ взят из его книги “Просто христианство”. См.: *К. С. Льюис*. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика, 1992.

[13] Литургия — главное христианское богослужение, за которым совершается таинство причащения верующих Святым Таинам, Телу и Крови Христовым.

[14] Венчание инославных с православными допускается Русской Церковью при соблюдении некоторых условий, в частности — обязательстве воспитывать детей в православной вере. На такой брак требуется разрешение архиерея.

[15] Аналой — высокий столик с пологой верхней доской для удобства чтения лежащих на нем богослужебных книг или целования лежащей на нем иконы.

[16] Постриг — чин (полное изложение всех молитв) принятия монашества.

[17] Чистыми и защищенными от всяких козней.

[18] Преспеяние — успех, благополучие.

[19] Христос, истинный Бог наш, показавший Своим посещением брака в Кане Галилейской достоинство брака...

[20] По объяснению “Настольной книги для священноцерковнослужителей”, составленной С. В. Булгаковым (Харьков, 1900; переизд.: М., 1993), на отпуске поминаются святые равноапостольные Константин и Елена — первые земные цари, принявшие христианство и распространявшие правоверие. Нововенчанная пара призывается подражать их апостольской ревности и трудам по Боге. Святой великомученик Прокопий во время своих страданий воодушевил двенадцать благородных женщин идти на страдания и смерть за веру с радостью, как на брачный пир. Их пример должен вдохновлять нововенчанную пару стремиться наследовать венцы Небесного Царствия.

[Главная страница](#) | [Биография](#) | [Избранные творения](#) | [Публикации в России](#)

[Где приобрести книги](#) | [Новости](#) | [Гостевая книга](#) | [E-mail](#) | [Ссылки](#)